

«БЕЗДНА КАК РИЗА»:
СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОСМОГРАФИЯ
В «БЕСЕДЕ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ»

Дарья Глебова
(Москва)

I

«Беседа трех святителей» — апокрифический памятник, состоящий из вопросов и ответов, обыкновенно изложенных от лица трех отцов церкви — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Ученые сходятся во мнении, что основой для «Беседы» были вопросно-ответные памятники с библейской тематикой, возникшие в Византии приблизительно в V–VI вв. Переводы таких текстов появляются на славянской почве уже в XI в., а первые русские списки датируются XV в. [Бабалык 2012: 4].

Вопросно-ответная форма имеет древние корни. Согласно исследованиям Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топорова, она восходит еще к древнеиндийским ведическим ритуалам, во время которых жрецы обменивались загадками и отгадками [Елизаренкова, Топоров 1984: 18–20]. Сюжетами загадок были структура мира и его творение из тела божества, что хорошо прослеживается в «Ригведе», древнейшем собрании ритуальных ведических гимнов. Так, загадка являлась способом передачи сакрального знания и была непосредственно связана с космологической проблематикой. На протяжении веков загадки меняли свой статус и получали новое содержание, но традиция «обмена загадками» на темы космогонии сохранилась. На восточно-христианской почве она получила особое распространение в апокрифических вопросно-ответных текстах, одним из которых и стала «Беседа трех святителей»: среди вопросно-ответных тематических блоков «Беседы» часто встречаются загадки с космологической тематикой. И одним из повторяющихся мотивов этих загадок так же, как и в «Ригведе», но уже на христианский лад, становится идея изоморфизма божества и мироздания. Например, в вопросно-ответной паре «Которыи пр(о)ркъ покрьи дланию своєю .з. нѣсѣ? | ОТ: Иода(н)

Кр(̄с)тль, ег(д)а кр(̄с)ти г̄а» Господь напрямую сравнивается с шестью небесами.

Блок вопросно-ответных пар, посвященных космологической тематике, часто встречается в списках «Беседы», но, как и другие блоки, очень вариативен: меняется не только количество или положение вопросно-ответных пар, но и их содержание. Такая вариативность возникала благодаря возможности книжника создавать новые вопросно-ответные пары за счет компиляции фрагментов из различных книжных и, возможно, фольклорных источников.

В нашем небольшом анализе мы рассмотрим, каким образом работает механизм такой компиляции, а также постараемся восстановить авторское восприятие действительности. Материалом послужит наиболее пространная вопросно-ответная пара «Беседы», в аллегорической форме описывающая устройство мироздания¹.

II

Предложенная для рассмотрения пара построена в одном из традиционных для «Беседы» ключей: вопрос воспринимается как аллегория, ответ — как путь ее прояснения. Роль вопроса, а скорее даже предложения темы, выполняют стихи 20-й главы Евангелия от Иоанна: «**Иоа(̄н) р(̄с)ѣ: Пе|тръ при|ни(̄к) и види ризы едины ле|жаща и сударь, иже бѣ на главѣ| его, не с ризами лежащъ, но осо|бъ свитъ на едино(̄м) мѣстѣ|**». Имеется в виду эпизод, когда на третий день после погребения тела Христа Петр и «другой ученик», как Иоанн Богослов самого себя называет в Евангелии, видят, что гроб, куда был положен Господь, пуст.

Обратим внимание на то, что уже сам вопрос представляет собой контаминацию. В оригинальном евангельском тексте впервые пелены Христа видит Иоанн Богослов, но видит их со стороны. Петр же обнаруживает отсутствие тела Христа, войдя в пещеру, где стоит гроб.

<...> и другии оучнкъ тече скорѣе Петра и прииде прежде ко гробу,

и приникъ видѣ ризы лежаща: Обаче не видѣе.

¹ Разбираемая нами вопросно-ответная пара цитируется по списку начала XVI в. [ТС-769].

Приде же Симонъ Петръ вслѣдъ его, и виде во гробъ, и видѣ ризы едины лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ его, не с ризами лежащъ, но шось свитъ на едином мѣстѣ [Ин 20: 4–7].

В отрывке две точки зрения (Иоанна и Петра) «сливаются» в одну через глагол «**прииникъ**» — «наклонившись». В итоге, получается, что это Петр заглядывает в пустой гроб и видит пелены, *не входя внутрь*. Смена точки зрения не случайна. Она оказывается особенно важной для ответа: представленная в нем модель мироздания описывается тоже со стороны внешнего наблюдателя, *извне*.

Эта модель не дается сразу — нас к ней подводят, предлагая читателю совершить вместе с компилятором серию своеобразных логических умозаключений. Проследим их композицию.

В первых строках ответа–толкования возникают два ряда символических уподоблений. Сначала — сравнение погребальных пелен Иисуса Христа (А) с составляющими литургического обряда (В) («**Сударь—б. плата служебная на блюдѣ**»). Такое сопоставление ожидаемо, так как «сударем» называется ткань, используемая в литургии и символизирующая одноименный плат, покрывавший глаза погребенного Христа. Следующий ход — усложненное сравнение, где погребальные пелены Христа (А) соотносятся с элементами мироздания (С) («**ризы его „ верхнее нбо до преисподня без(д)ны стоить**»). Далее, на пересечении указанных рядов, появляется третий ряд, который уже не задействует образы, встречающиеся в вопросе: части священнического облачения (В) уподобляются элементам мироздания (С) («**сти(х)ръ .б. нбсь, а понась „ железное столпье около великого моря**», «**патрахи|ль „ вхо(д) и [и]схо(д)**»). Третий ряд не возникает из ниоткуда: мостиком к этому соотношению служит фраза «бездна яко риза», которая является цитатой из 103-го псалма Давида (6-й стих: «**Бездна яко риза одеание ея**»), где описывается творение мира и где также появляются сравнения элементов мироздания с одеждами и атрибутами Божества:

Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра [Пс. 103: 2–3].

Основанное на 103-м псалме космологическое истолкование литургических одежд продолжается примерно до середины ответа («**а под поясом земля, и то(а)|стога ея яко ѿ востока и**

до за|пада»). Для удобства назовем этот фрагмент первой частью, а все, что идет за ним — второй.

Во второй части, начинающейся образом творения земли из морской пены («И повелѣ ꙗ́ко ѿнꙗ́го(м) съгнати ꙗ́вну морскую и сътвори́ти| зе́млю на ꙗ́ко ките(х)»), космологическая модель выстраивается уже без сравнения с литургическим одеянием. Вместо этого перед читателем последовательно разворачивается структура подземного мира: киты, море, «Адово жилище», утренняя звезда, созданная до Солнца. Однако концовка ответа неожиданно возвращает нас к все той же цитате из 103-го псалма: «То-ти| без(д)на ꙗ́ко риза» — «вот это и есть “бездна как риза”». Выясняется, что нарисованная картина — это описание заявленной в начале «бездны», в которую мы вместе с компилятором заглядываем, как «Петр» в пустой гроб Христа. По существу, второй фрагмент представляет собой пространственный космологический комментарий к образу из Псалтыри.

III

Более детальное изучение устройства этого комментария позволяет выявить в нем две стратегии компиляции.

№ 1. Развитие образов, упомянутых в первой части текста. Этот прием особенно заметен на переходе между двумя фрагментами. Элементом, связующим две части, выступает «земля», упоминанием которой заканчивается первый и начинается второй фрагмент.

...а по(д) поясо(м) „ зе́мля, и то(л)стота еа ꙗ́ко ѿ востока и до за|пада. И повелѣ ꙗ́ко ѿнꙗ́го(м) съгна́ти ꙗ́вну морскую и сътвори́ти| зе́млю на ꙗ́ко ките(х).

Также объединительной функцией наделяются «море» и «железное столпие» (т. е. ограда).

а) море — около великого моря <—> глубина же того моря велика(ꙗ́);

б) железное столпие — а поясъ „ железно|е столпие <—> дно же по(д) тѣ(м) море(м) великимъ равно| к желѣзному столпю;

Можно предположить, что присоединенные таким образом элементы появляются в повествовательной канве в роли пояснения,

комментария к уже упомянутому образу. Так, вторая часть описания сообщает дополнительные сведения о предметах, упомянутых в первой: если в первой части заявлено «великое море», то затем вставляются сведения о его глубине и т. д.

№ 2. Обеспечение связности текста на формальном уровне при помощи специальных синтаксических средств двух видов. Первым является лексический повтор с добавлением указательных местоимений *тъ* и *тъ же*:

... То же столпие| стои(т) яко возвыше, яко то море. То| же столпие стоит на огни негасимі(м) |. По(д) тѣм же огне(м) ту же є(сть) дньница|<...>;

Вторым средством, выполняющим сходную функцию, являются наречия *ту* и *ту же*.

... а дѣша в ни(х) г҃а часть раискіа вона|. Иду(т) рыбы на воню тоу <...>;

... Ту же є(сть) адаво жилице. Т(у)| же и антикр̄(с)тъ вази(ть), ами(нь);

... Ту є(сть) лю(ди)|е крылаты и лѣтаю(т), яко паучи|на, мыслию <...>;

Отметим, что ничего похожего в первом фрагменте нет. То есть второй фрагмент и в языковом отношении устроен отлично от первого, что может быть аргументом в пользу его более позднего, восточно-славянского происхождения².

IV

Такой способ организации текста находит многочисленные как литературные, так и фольклорные параллели. Например, описание святой земли в «Хождении Игумена Даниила», где лексические повторы и местоимения *тъ/ту*, *тъ же/ту же* используются для описания маршрута или определенного места паломничества:

² Примечательно, что в южно-славянском списке, опубликованном А. Милтеновой, второй фрагмент отсутствует, в том числе, также и контаминация в вопросе (см.: [Милтенова 2004]). То же самое мы наблюдаем в другом, более раннем списке (XV в.) из собрания Троице-Сергиевой лавры [ТС-256].

А от Капернауа до Карьмилския горы есть верст 6. И в той горѣ святыи пророкъ Илия жилъ есть в пещерѣ, и той враном бысть пре-кормлень Илия пророкъ. На той же горѣ жерьци Вавиловы исклалъ ножем и рече Илия: «Ревнуя, поревновах по Господи Бозѣ моем». И есть гора та Карьмилскаа высока велми, и море Великое близ горы тоя, яко версты вдалье [БЛДР 1997].

С другой стороны, организация фрагмента обнаруживает сходство с кумулятивным построением космологических описаний русских заговоров. Лексический повтор в заговоре не просто связывает смысловые части текста: с одной стороны, так по-новому раскрывается введенный ранее образ, а с другой — схематично рисуется своеобразный космологический пейзаж.

На морѣ Океанѣ, на островѣ Курганѣ лежитъ камень Алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангель и Спасъ образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею <...> [Майков 1869: 140].

Сопоставление с заговорами кажется возможным еще и потому, что в заговорах и в нашем тексте встречаются схожие образы. Например, «железный тын», тянущийся от «востока до запада», который синонимичен «железному столпию».

<...> оболкусь я оболочками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлымъ месяцемъ, обтычусь частыми звездами и освечусь я краснымъ солнышкомъ. Огражду вокругъ меня (имя рекъ) и дружины моей съ ослятами тынъ железный, почву укладну, небо булатно, чтобъ никто не могъ прострелить его, отъ востока до запада [Там же: 27].

Схожесть стратегии нашей компиляции с заговорной может быть неслучайной. Заговоры — плод того же мифологического сознания, что и загадки, и они, как мы уже убедились, так же могут отражать мифологическую модель мира. В связи с этим обратим еще раз внимание на последний приведенный нами фрагмент заговора, в котором представлен «мотив чудесного одевания» (подробнее о «мотиве чудесного одевания» см.: [Топорков 2002]). Важно отметить разницу в положении наблюдателя в отрывке из «Беседы» и заговорном тексте такого типа: если в нашей загадке мы смотрим на космологическую модель со стороны, то протаго-

нист заговора помещает самого себя в центр мироздания. Расхождение в ракурсе является принципиальным отличием космологии «Беседы» от заговорной. Можно предположить, что она была важна для самого компилятора, так как он сделал на ней акцент с помощью яркой контаминации в вопросе.

Конечно, кумулятивные цепочки образов, представленные в космологии «Беседы» более фрагментарны, чем заговорные. Но фрагментарность в нашем тексте естественна, так как модель мира, нарисованная здесь, намного сложнее. Также неудивительна и некоторая ее путанность, потому что это все же не реальная, а символическая космография, к тому же во многом являющаяся продуктом своеобразного «испорченного телефона»: поколения книжников принимали ошибки своих предшественников за настоящие слова, что тоже содействовало появлению новых образов. Ср. в списке XVII века в нашей космографии появляются, например, пять неких «ротогъ», которые, очевидно, являются гибридом числительного **пaтeрo** и местоимения **тoгo**: «**А** **г**лoуби**нa**(ж) **тoгo** **мoрa** **вeликa**(г̃)| .ē. **рoтoгъ**» [Мильков, Полянский 2009: 438].

V

Визуализировать космологическую модель, представленную в «Беседе», особенно трудно, так как составитель этой компиляции выходит за рамки плоскостно-комарной традиции представлений о мире, чаще встречающейся в апокрифических текстах³: наша модель полнее (описывается пространство даже за пределами «Адова жилища») и выполнена иначе.

Принимая во внимание природу космогонических загадок и заговоров, а также лейтмотив «**Бeзднa** **кaкo** **pизa**», тесно связывающий космологию «Беседы» со 103-м псалмом, можно рассматривать представленную здесь модель мироздания, как реализацию идеи изоморфизма Бога и созданной им Вселенной, характерной для средневекового сознания (соотношение микрокосма и макрокосма). А значит, в попытке вообразить космологию «Беседы» можно представить себе, что «ризы» из фразы «**pизы** **eгo** „

³ Космография полоскостно-комарного типа строится на утверждении, что земля окружена водой, небо же опирается на воду, образуя собой купол над землей (см.: [Мильков 2009]).

верхънее небо до преисподнія без(д)ны стоять» протягиваются сквозь Вселенную, включая в себя все ее элементы: от шестого неба до крылатых людей, летающих с помощью мысли, «яко паучина».

ЛИТЕРАТУРА

Источники

- БЛДР 1997: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4.
<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4934>
- Майков 1869: *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1869.
- Милтенова 2004: *Милтенова А.* «Венский список», XIV в. // *Egotarokriseis*. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004.
- ТС-256: РГБ, Собрание Троице-Сергиевой лавры, № 256, исход XV века.
- ТС-769: РГБ, Собрание Троице-Сергиевой лавры, № 769, начало XVI века.

Исследования

- Бабалык 2012: *Бабалык М. Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. Саарбрюккен, 2012.
- Елизаренкова, Топоров 1984: *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа brahmodya // *Паремиологические исследования*. М., 1984.
- Мильков, Полянский 2009: *Мильков В. В., Полянский С. М.* Космологические произведения в книжности Древней Руси. СПб., 2009.
- Мильков 2009: *Мильков В. В.* Космологические тексты плоскоотно-комарной традиции в древнерусской книжности // *Мильков В. В., Полянский С. М.* Космологические произведения в книжности Древней Руси. СПб., 2009.
- Топорков 2002: *Топорков А. Л.* Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв. // *Заговорный текст: Генезис и структура. Материалы круглого стола*. М., 2002.
<http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov4.htm>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст вопросно-ответной пары № 3 по списку ТС-769

Иоа(н̄) ре(ѵ̄): Пе|тръ при|ни(к̄) и види ризы едины ле|жаща и сударь, иже бѣ на главѣ| его, не с ризами лежащъ, но осо|бѣ свитѣ на едино(м) мѣстѣ|.

Григорей ре(ѵ̄): Соударь .ѿ. плата слу|жебнаа на блюдѣ, а ризы его „ ве|рхнее небо до преисподнїа ве|з(д)ны стоить. Без(д)на яко риза|. Сти(х)рь „ .ѿ. нѣсѣ, а понасъ „ железно|е столпье около великого моря, на| не(м)же земля плаваеть. А патрахи|ль „ вхо(д) и [и|схо(д)]⁴, а по(д) понасо(м) „ земля, и то(л)|стота еа яко ѿ востока и до за|пада. И повелѣ ѿ ан|гло(м) съгнати| пѣну морскую и сътвори|ти землю на .г. хъ ките(х). И .л. малых(ъ)| кито(в) залежатъ .л. око|нь морски(х), а дша в ни(х) .г. аа часть райскїа вона|. Иду(т) рыбы на вою тоу, тѣм же соу(т̄)| сыти. А глубина же того моря вели|ка(ѿ)| паторо того то(л)ще, како земля то(л)ста|. Дно же по(д) тѣ(м) море(м) великимъ равно| к желѣзному столпью, глубина(ж) е(с̄)| того моря великаго .ѿ. ро того глубь|ае. Того(ж) моря дно стои(т̄) на .ѿ. ми| столпе(х). Ту же е(с̄) адово⁵ жилище. Ту(у)| же и Антикр(с̄)тъ вази(т̄), ами(н̄), ан|глъ| потверждаетъ его. То же столпие| стои(т̄) яко возвыше, яко то море. То| же столпие стои|т на огни негасимї(м)|. По(д) тѣм же огне(м) ту же е(с̄) дньница|, а(ж) преж(д)е сн̄ца сътворена. Ту е(с̄) лю(ди)|е крылаты и лѣтаю(т), яко паучи|на, мыслю, а см̄рти имъ нѣ(с̄), а зе(м)|ли и(м) нѣтъ же ми⁶ ино|го ниче|го же|, но въз(д)у(х) бжи|и все держитъ. Тоти| без(д)на яко риза.

Перевод:

Иоанн сказал: Петр наклонился и увидел одни только лежащие пелены и сударь, который был на главе Его, лежащий не с пеленами вместе, но отдельно, свитым на другом месте.

Григорий сказал: Сударь — 2 служебных плата на блюде, а пелены Его — верхнее небо до глубочайшей бездны стоит. Бездна как риза. Стихарец — 6 небес, а пояс — железная ограда вокруг великого моря, на котором земля плаваёт. А епитрахиль — вход и выход, а под поясом — земля, и толщина ее — от востока и до запада. И повелел Господь анге-

⁴ в ркп. «вхо(д) и схо(д)», испр. по смыслу.

⁵ так в ркп.

⁶ в ркп. «на», испр. по ТС-256.

лам согнать пену морскую и сотворить землю на трех китах. И тридцать малых китов заслоняют тридцать окон морских, а душа в них — на третью часть райское благовоние. Идут рыбы на благовоние то и тем же сыты. А глубина же того моря великого в пять раз больше толщины земли. Дно же под тем морем великим вровень с железной оградой, глубина же в пять раз глубже того великого моря. Того же моря дно стоит на семи столпах. Там же есть Адово жилище. Там же и Антихрист сидит связанный, аминь, ангел удерживает его. Тот же столп стоит на негасимом огне. Под тем же огнем там же есть утренняя звезда, которая была сотворена прежде солнца. Там есть крылатые люди и летают, как паутина, мыслью; а смерти им нет, а земли им нет и иного ничего, но воздух Божий все держит. Вот что такое «бездна как риза».